

«Большой рай для всех людей»: О чувстве природы русского средневекового книжника (Историографические заметки)

Аннотация: Статья посвящена изучению восприятия природы человеком Средневековья. Данный исследовательский вопрос является частным случаем большой научной проблемы – исследования ментальностей, т. е. социально-психологических установок, привычек сознания, способов мышления людей той или иной эпохи. В широком смысле изучение восприятия природы представляет одну из возможных форм постижения мировоззрения человека прошлого. Для анализа выбран один из аспектов вопроса – развитие историографических представлений о чувстве прекрасного в допетровской России на примере природы. В первой части статьи содержится общий теоретико-методологический экскурс, раскрывающий проблему восприятия окружающего мира средневекового человека. Показано, что исследование отношения к природе в ту эпоху связано с определенными трудностями, которые обусловлены спецификой источников. Реконструкция строится на основании анализа книжности и отчасти изобразительных материалов, т. е. отражает не столько общий характер представлений социума, сколько узкой группы «творцов» элитарной культуры. В то же время сам характер источников позволяет сделать вывод, что восприятие природы отличалось от современного: мировоззренческие вопросы привлекали куда большее внимание, нежели интерес к конкретным точкам пространства, пейзажу. Чувственно-эстетическое переживание природы также существовало, однако оно, вероятно, занимало подчиненное положение. Во второй части статьи рассматривается становление историографических взглядов в рамках исследуемого вопроса. Показаны основные вехи развития научных представлений об отношении русского человека Средневековья к природе со времен Н. М. Карамзина и до современности.

Ключевые слова: природа, книжность, Средневековье, историография, ментальности, эстетика, Древняя Русь, пейзаж, окружающий мир, ландшафт.

Annotation: The article is a study on the sense of nature in the Medieval man. The given research problem is a particular topic in the larger scientific problem – the research of mentalities, i.e. the socio-psychological setting, habits, consciousness, ways of thinking of people of one or another period. In a larger context the study of the perceptions of nature is one of the possible means to understanding the outlook of a person from the past. For the purpose of this analysis only one aspect of this question was chosen that of the development of historiographical perceptions of the sense of beauty in nature before Peter the Great in Russia. The first part of the article contains a general theoretic-methodological survey, illuminating the problem of the Medieval individual's perception of the outside world. It is shown that the study of the relations towards nature in that period was tied with certain difficulties, which were caused by the particularities of the sources. The reconstruction is based on the analysis of book-learning and partially figurative material, i.e. it reflects not so much the general perception of society, as much as of a narrow group of “creators” of elitist culture. At the same time, the very character of the sources allows to make the conclusion that that perception of nature differed with the modern one: the questions of outlook attracted a lot more attention than interest in specific points of space, landscape. The emotional-aesthetic experience of nature also existed, however it was most likely of secondary importance. In the second part of the article, the author demonstrates the becoming of the historiographical outlook in relation to the study topic. It shows the main milestones in the development of scientific understanding of the relationship between the Russian Medieval individual and nature from the time of N. M. Karamzin and up to modernity.

Key words: nature, book-learning, Middle ages, historiography, aesthetics, Old Rus', landscape, scenery, outside world, mentalities.

Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», соглашение о предоставлении гранта в форме субсидии № 8825, «Природа и общество в Средневековье и Новое время: Природопользование, экология, демография, государственное регулирование, культурные представления».

В заглавии статьи вынесены слова из богословского сочинения «О рае» византийского писателя и полемиста XI в., пресвитера Студийского монастыря преподобного Никиты Стифата. Под «большим раем», или «осязаемым раем творений» преподобный Никита понимал природу, которая после грехопадения заменила людям Эдем: «Все творение этого видимого и осязаемого, небо, я утверждаю, и земля и все в них становится словно большим раем для всех людей взамен приготовленного и насажденного в Эдеме для Адама. <...> [Бог] предуготовил видимый этот мир, словно иной второй рай, один не больший другого великолепием благодати, но равный всем видом, да и действительно наполненный наслаждением» [25]. Задача человека в соответствии с заповедью (Быт. 2:15) возделывать и сохранять природу: «Всякий, кто совершает в нем [окружающем мире] такого рода делание и хранение, как повелевает заповедь, неизменно пребывает в наслаждении наслаждений и непоколебимый остается при хранении его» [25]. Взгляды преподобного Никиты Стифата восходили к богословской эстетике ранних этапов святоотеческой мысли, которая уже тогда наделяла красоту универсальным значением, распространяя ее в т. ч. и на тварный мир. В частности, Василий Великий в «Беседах на Шестоднев» выражал следующую мысль: «Поверив Моисею, что сотворил Бог небо и землю, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотой» [27, 113].

Природа – одно из основных понятий философии и культуры Европы, которое имеет множество толкований и значений, менявшихся с течением времени [2, 26–36]. Можно предложить разные подходы к изучению восприятия природы, поскольку проблема восприятия находится на стыке интересов разных дисциплин и в зависимости от подхода может наполняться разным содержанием. Особенно это касается изучения отношения к природе, т. к. круг соответствующих вопросов сопряжен с вопросами эстетики, культурной антропологии, социальной психологии. С точки зрения исторического исследования проблема восприятия природы человеком прошлого может быть рассмотрена в двух плоскостях. В широком смысле – как окружающего мира во всем многообразии его характеристик (включая характеристики времени, пространства, космогонию и космологию и т. д.),

а также в узком смысле – как определенного географического пространства, местности, на которой происходят события в жизни человека, общества, страны.

В русской книжности эпохи Средневековья наблюдается явное качественное преобладание материала, связанного с восприятием природы как окружающего мира в целом. Общегеографические, «естественно-научные» и особенно мировоззренческие вопросы привлекали куда большее внимание книжников, нежели интерес к конкретным точкам пространства, пейзажу. Круг мировоззренческих и тесно соприкасающихся с ними природоведческих проблем отражен в книжных памятниках типа «Шестоднева», «Физиолога», «Палеи толковой», «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, различных лечебниках и т. д. Наиболее примечателен в этом отношении «Шестоднев». В нем затрагивается широкий пласт вопросов: о природе неба и земли, существовании и свойствах космических тел, атмосферных явлениях, флоре, фауне и даже человеку. Неслучайно Н. К. Гудзий отметил, что в «Шестодневых» лирика природы в христианском ее осмыслении нашла себе <...> особенно полное выражение» [3, 200].

(В советской историографии средневековую природоведческую литературу зачастую относили к естественно-научной, порой даже не включая данное определение в кавычки. В новейшей историографии наметилась линия рассматривать средневековую литературу, посвященную общим вопросам природы, в качестве «почти естественно-научной». Это больше соответствует особенностям средневековой книжности и позволяет не смешивать современные категории с реалиями Средневековья. То же самое можно сказать и относительно «точных наук». Как отмечал Р. А. Симонов: «Понятие “точные науки” применительно к древнерусскому периоду является условным, т. к. научное представление о точных науках сложилось сравнительно поздно. <...> В средневековый период знание было синкретичным, находившимся в тесной, иногда нерасторжимой связи с “научными”, философскими, религиозными взглядами и представлениями» [34, 11].)

Довольно скудные замечания древнерусских авторов по частным сюжетам, связанным с отношением к природе, рассеяны по книжности. Тематически явное исключение составляют редкие природные явления (кометы, затмения, метеориты и т. д.), которые живо интересовали

средневековых авторов. Особенно внимательными к редким природным явлениям были летописцы, пытавшиеся увидеть за необычным поведением природы знамения Божественного Промысла [17, 26–58; 43, 105–109]. С точки зрения жанров выделяются «хождения», или по-древнерусски «хожения» (разновидность путевой литературы), также небезучастные к природе. Очевидно, человек, оказавшийся на чужой стороне, вне привычных ему природных условий, стремился сопоставить известное ему с новым и доселе неизвестным. К тому же древнерусские «хожения», как правило, были посвящены описанию святых, дорогих сердцу христианина мест, что усиливало интерес авторов и влекло за собой появление развернутых или относительно развернутых зарисовок сакрально воспринимаемых пространств. Как показала Е. И. Малето, природно-климатические особенности посещенных земель интересовали русских путешественников XII–XV вв. из поколения в поколение, а категория «красоты» занимала важное место в их мировосприятии, причем в отношении стран и Запада, и Востока [21, 113]. Вероятно, позднее чувственно-эстетическое восприятие природы у паломников становится еще сильнее. Для автора «хожений» XVI–XVIII вв. «природа в паломническом фокусе – априорно часть мироздания, возникшего в процессе божественного созидания. С неподдельным восторгом и почти детской непосредственностью богомольцы всматривались в многообразии природного мира» [15, 118].

Любопытно, что схожие процессы происходят в это время и в живописи. В изобразительных источниках практически на протяжении всего русского Средневековья природа либо вовсе отсутствует, либо выполняет строго подчиненную роль, обусловленную требованиями канона (например, изображение горы Фавор на иконах праздника Преображения Господня) или принципиальной необходимостью показать некие важнейшие пейзажные элементы (например, изображение воды в клеймах икон, отражающих происшествия на реках, озерах и морях). Изменение отношения к природе как к естественному пространству человека, которое составляет важную часть окружающего его мира, начинается на Руси примерно одновременно и в литературе (XVI в.), и в живописи (с конца XV в.). В первую очередь оно отразилось в искусстве книжной иллюстрации – миниатюре. Используя привычные формы в изображении природного

ландшафта, миниатюристы начинают вводить в свои рисунки черты, взятые из действительности. Новые явления в миниатюре отчасти были вызваны воздействием западноевропейской гравюры, которая начинает проникать на Русь с конца XV в. [28, 430–431], а также более глубоким усвоением византийской традиции, ее наивысших художественных достижений, включая переработанные формы эллинистического искусства [30, 27–34].

Иначе обстояло дело с иконописью, пейзаж в которой еще долго играет подчиненную роль. Только во второй половине XVII в. появляется детально проработанный и не связанный с основным сюжетом пейзаж [16, 107–114]. В живописи западного христианского мира также довольно долгое время картины природы не играли какой-либо заметной роли. Изображавшиеся в пейзаже формы ландшафта представляли символическую систему образцов, которой пользовались художники, чтобы уточнить место действия; например, в германской живописи Высокого Средневековья дерево, изгородь и скала означали Гефсиманский сад [9, 9]. Начиная с работ итальянского художника XIV в. Амброджо Лоренцетти пейзаж постепенно начинает завоевывать свое место в живописи [36, 194–201].

В исследовательской литературе разброс мнений относительно восприятия природы русским человеком Средневековья достаточно велик. Так, Н. М. Карамзин в «Записках старого московского жителя» (впервые напечатаны в № 16 «Вестника Европы» за 1803 г.) полагал, что представители древнерусской знати «не чувствовали ни малейшего влечения наслаждаться природою (для которой не было и самого имени в языке их); не знали, как милы для глаз ландшафты полей и как нужен для здоровья деревенский воздух...» [12, 261]. В сочинении «Путешествие вокруг Москвы. Письмо первое из Коломны от 14 сентября» (впервые напечатано в № 4 «Вестника Европы» за 1803 г.) Н. М. Карамзин отметил следствие такого отношения средневековых аристократов к природе – за редким исключением, «наши старинные бояре для сельских жилищ своих не искали живописных мест» [13, 265]. Интересы великого историографа вполне характерны для рубежа XVIII–XIX вв., когда вопрос о восприятии и познании окружающего мира становится одним из основных в отечественной литературе. При этом Карамзина гораздо больше волнует не столько изучение способа восприятия природы человеком, сколько

ко сама возможность созерцания природы, постижения ее красоты [1, 7].

И. Е. Забелин, по сути, первым поставивший в русской исторической науке вопрос о наличии эстетического восприятия природы в средневековой Руси, не соглашался с Н. М. Карамзиным: «...Можем ли мы сказать, что наш предок, какой бы варвар он ни был, меньше нас чувствовал красоту природы, меньше нас любил природу именно в ее картинах. Он не размышлял, не рассуждал, не перешептывался с нею – это правда. Он еще не был мыслитель <...> но он обладал, если можно так сказать, чувством самой природы и с религиозной искренностью не только восхищался ею, но и поклонялся ей, как божеству, в любви и страхе» [11, 30]. «Чувство природы» нашло свое выражение, например, в выборе места для монастырей, которые основывались «в самых красивых местностях, какие только можно было отыскать в той или другой глухой стороне», и лишь отсутствие «памятников литературного выражения этой безмолвной, но глубокой любви к природе», по мнению Забелина, не дает возможности составить полную историческую картину [11, 32–33].

Своеобразное мнение имел И. К. Яхонтов. Он считал, что «по общему древнерусскому представлению, пустынные глухие пространства – леса, болота, овраги и всякого рода захолустья – как бы вовсе не принадлежали человеку; ими владела и их ревностно охраняла чуждая нечистая божеская сила. Леса, болота, озера и реки, не говоря уже о страшной морской пучине, считались излюбленными местами злых духов; там гнездились целые полчища бесов, враждебно встречавших всякого человека, который имел смелость проникать в их владения». Природа была негостеприимной, и только на подвижников благочестия она не оказывала своего разрушительного воздействия. Именно святые являлись той силой, которая первой отвоевывала «прежде негостеприимную и враждебную человеку природу у темных сил» [45, 235–265].

На примере описаний весны А. Б. Никольская показала, что значительное влияние на древнерусскую книжность, в которой характеризовалось весеннее пробуждение мира, имело «Слово Григория Богослова на новую неделю и на весну». Книжники стремились воздействовать на эстетическое чувство читателя: «...образы даются высокохудожественные, природа описывается в самых привлекательных выражениях. Немногочисленные примеры описаний,

отходящих от этой традиции, делают картину природы как бы прикладной <...> но и в них весна изображена в радостных тонах, как возродительница и спасительница» [26, 438–439].

Советскую историческую науку среди всех природоведческих вопросов особенно занимала проблема состояния и развития естествознания Средневековья. Стоит полагать, что в значительной степени эта особенность была обусловлена не столько источниковой базой как таковой, сколько определяющими методическими установками марксизма: материалистическим анализом, видением мира в его системности и диалектически противоречивой динамике и т. д. (Специфике восприятия марксистской методологии советской исторической наукой уже на заре ее становления посвящена работа А. Дмитриева [7, 10–38].) В границах научного мировоззрения марксистской методологии, преимущественно стремившейся к изучению объективной действительности, а не субъективного отношения человека к ней, первостепенное изучение именно естествознания становилось закономерным. Характерно, что появление большего разнообразия работ, посвященных изучению восприятия природы средневековым человеком, наблюдается с 1970-х гг., когда в обязательных пределах уже во многом и для многих «ритуального» марксизма намечается определение новых форм и средств исторического поиска. Особое значение в те годы имели труды Д. С. Лихачева.

В работе «Человек в литературе Древней Руси» Д. С. Лихачев обратил внимание, что чувство природы тогда уже было широко развито, однако не нашло заметного выражения в книжности, первым делом – в летописях, поскольку «этого не требовали те задачи, которые ставил перед собой летописец» [20, 156]. Исследователь также отметил, что природа изображается в древнерусской литературе главным образом в ее символическом или назидательном значении. В иных случаях явления природы упоминаются только тогда, когда они участвуют в событиях человеческой жизни. При этом литературный пейзаж в его типичной для последующей литературы функции вовсе отсутствует в древнерусской литературе до XVII в. [20, 156].

Впоследствии Д. С. Лихачев развил свои наблюдения. Он показал, что вся природа, почти не имеющая индивидуальных и национальных черт, с точки зрения авторов природоведческих сочинений Средневековья, лишь Божественное

откровение – книга, в которой можно читать о чудесных делах Всевышнего: «Природа имеет значение лишь постольку, поскольку она “Божье творение”». В то же время ученый изменил точку зрения относительно присутствия пейзажа, обосновав положение, что специфический пейзаж в книжности Средневековья все же существовал, при этом он постепенно развивался и уже в XVI в. служил средством отражения сложных отношений между природой и человеком. «В XVII в. роль пейзажа еще более поднимается, и здесь он приобретает конкретные, местные черты», – писал Д. С. Лихачев [19, 154].

Наконец, в работе «Поэзия садов» Д. С. Лихачев приходит к заключению, что книжность русского Средневековья выработала особый образ, в котором характерное для эпохи чувство прекрасного было выражено предельно мощно, – сад и все то, что относится к его пространству (цветы, благородные деревья и пр.), часто встречается в древнерусской литературе, и всегда в «высоком» значении: «Эти образы принадлежали к первому ряду в иерархии эстетических и духовных ценностей Древней Руси» [18, 44].

Н. И. Прокофьев, продолжая изучение образов весны, предпринятое А. Б. Никольской, а также уделив внимание общим принципам изображения природы в средневековой русской литературе, пришел к заключению, что «художественные принципы изображения природы изменялись в связи с развитием общественной жизни, с изменением мировоззренческих систем» [31, 3–18].

Выводы о чувстве прекрасного, выражавшемся через отношение к садам допетровского времени, сделал А. С. Демин. Он обратил внимание, что со второй половины XVII в. в русских садах начали насаждать диковинные растения, а круг представлений об образцовом саде стал включать новые детали. Развивающиеся вкусы, в частности, воздействовали на стиль украшений к празднику Вербного воскресенья: в 1668 г. верба по указу царя была размещена «благолепно первый год, а не так просто, яко же в минувших летех». По мнению исследователя, интерес к красоте садов – предмету трудов и забот – возрос в связи с изменением отношения к самому труду [6, 115–122].

Вообще тема средневекового русского сада привлекала внимание исследователей уже с 1840-х гг., правда, ей уделялось достаточно скромное внимание, затрагивались лишь отдельные аспекты. Оценивая садовые насаждения

средневековой Руси, историки в большинстве своем подчеркивали их утилитарный характер, появление же декоративных садов относили только к середине XVII в. Определяющую роль в становлении и развитии садоводства авторы отводили монастырям, а в период позднего Средневековья – дворцовым службам [42, 27–28]. Недавно В. Д. Черный, автор комплексного исследования, посвященного древнерусским садам, предпринял попытку показать, что декоративная функция сада как места «отдохновения и любования», т. е. природного пространства, намеренно создаваемого для приобщения к прекрасному, была вполне характерна уже для монастырской культуры домонгольской Руси. Декоративный («красный») сад появляется и вне монастырской традиции – это были каменные терема знати [42, 156–157].

В 1980-е гг. выходят работы, авторы которых сопоставляют различные элементы отражения природы в деятельности и творчестве человека, взаимосвязь между которыми отнюдь не очевидна. Так, Б. А. Рыбаков связал традиции декоративного украшения некоторых типов средневековых русских колтов, а именно символическое обозначение весны – «того времени года, когда все растет и цветет», и домонгольскую гомилетику: «В целом вся композиция оборотной стороны этих колтов (семя, ростки, цветы, небеса) как бы иллюстрирует слова замечательного писателя середины XII в. Кирилла Туровского: “Днесь весна красується, оживляючи земное естество...” Даже “леторасли”, молодые древесные побеги, упомянутые Кириллом как признак весны, есть на этих колтах, но на лицевой стороне, между двух птиц» [33, 586].

Термин «благочестивое созерцание» вводит А. М. Панченко для характеристики взглядов крупнейших политических и церковных деятелей Московского государства XVI в. на допустимые способы проведения православным христианином свободного времени. Круг негреховных развлечений включал и любование природой: «Эта тенденция [благочестивого созерцания] ощутима в “Стоглаве”, а *expressis verbis* ее выразил митрополит Даниил: “И аще хоцещи прохладитися, изыди на преддверие храмины твоея, и виждь небо, солнце, луну, звезды, облака, ови высоци, ови же нижайше, и в сих прохладжайся”» [29, 87]. А. М. Панченко использовал тот самый термин, которым преподобный Никита Стифат определял возможное при благочестивом созерцании природы чувственное

восприятие рая, становящегося «словно большим раем для всех людей» [14, 155].

Несмотря на развитие историографических представлений, к 1980-м гг. взгляды ученого мира в связи с проблемой эстетического отношения к природе в эпоху Средневековья по-прежнему не были едиными. Часть исследователей продолжала придерживаться тезиса «эстетическое отношение к природе – довольно позднее завоевание человечества» [44, 272].

Заметным событием в изучении рассматриваемой проблемы стал выход из печати коллективного труда «Древнерусская литература: изображение природы и человека» (М.: Наследие, 1995). Затронувшая на его страницах тему «древесных образов» в средневековой книжности А. С. Елеонская рассмотрела круг памятников богослужебной, гимнографической, учительной и апокрифической литературы. Согласно выводам исследовательницы в Средневековье природа уже воспринималась как самостоятельная эстетическая ценность, причем основы такого восприятия восходили к традициям византийской книжности: «В древнейших литературных произведениях легче прослеживаются традиции церковных источников, избирательно обращающих внимание читателей на объект наблюдения и формировавших у них эстетический подход к деревьям, травам, цветам» [10, 4–18].

Вопросами отражения в средневековой русской книжности природы плодотворно занимался и А. Н. Ужанков. Он проследил развитие темы пейзажа на всем семисотлетнем протяжении русской средневековой литературы и оспорил суждение об эстетическом отношении к природе как позднему завоеванию человечества. Исследователь, исходивший из положения, что единственным способом познания в Средневековье выступало умозрение с соответствующим ему религиозно-символическим методом познания-отражения, предложил следующую периодизацию. В XI–XII вв. природа воспринималась как не постижимое разумом божественное творение и рассматривалась на уровне религиозного символа. При этом, если пространство было не сакральным, а обычным, его описание представляло простую характеристику места. Развивающийся в XIII в. практицизм вызвал и практическое отношение к природе, к освоению новых территорий. Начиная со второй половины XIV в. и особенно в XV в. отношение к природе заметно обмирщилось, утвердился утилитарный подход к ней. Человек восторгался совершенством

Божественного творения, но за материальным творением уже не пытался видеть тайный, сокровенный смысл. Все это время происходило развитие пейзажа в сторону его психологизации. Действительный, а не символический смысл обрела природа со второй половины XIV в. и в житийной литературе. Правда, агиографы, за редким исключением (например, в Житии Сергия Радонежского), ограничивались простым указанием, что облюбованное место «лепообразно» или «зело красно», и не приводили его описания. В XVI в., с усилением индуктивного начала в мышлении, природа стала восприниматься оторванно от ее Творца, как данная Богом человеку в услужение, а потому оказалась подвластной его деятельности, преобразуемой и познаваемой. В это время (и до 1640-х гг.) можно наблюдать не просто собирательный пейзаж какой-то местности, а вымышленный пейзаж, выполняющий в произведении определенные литературные функции [38, 19–87]. В XVI в. появляется настоящее любование красотой природы, именно оно повлекло за собой появление в книжности вымышленных пейзажей, которые становятся частью литературной композиции, образом [37, 197].

Вообще 1990-е гг. явились плодотворным периодом в исследовании чувства природы средневекового русского книжника. С одной стороны, это было вызвано расширением методологических возможностей отечественных гуманитарных наук в связи с отказом от марксистской методологии как единственно возможного способа познания. С другой стороны, к концу XX в. был накоплен солидный «багаж» знаний по проблеме, и осмысление материала на новом уровне становилось логичным шагом на пути научного изучения вопроса.

В 1996 г. в свет выходит коллективная монография «Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI–XVII века». Как отмечено во введении, написанном руководителем проекта и ответственным редактором труда В. В. Бычковым, авторы «предприняли попытку параллельного изучения главных для древнерусской культуры видов искусства» с целью выявить специфические особенности культуры эпохи в целом. При этом они «не ставили своими целями ни унификацию индивидуальных подходов, ни достижение одинакового уровня завершенности, ни обобщение тех или иных проблем и аспектов исследования» эстетического сознания, отраженного в средневековой русской культуре [39, 8–10].

Главы, посвященные поэтике допетровской русской литературы, были написаны Д. С. Лихачевым. В их основу положена монография исследователя «Развитие русской литературы XI–XVII веков. Эпохи и стили» [19].

Проблематикой отношения к природе занимается в это время и И. Ф. Худушина [40, 144–157; 41, 94–108]. Объясняя особенности средневековой эстетики религиозным характером мировоззрения, она показала, что средневековое чувство природы не могло выразиться в создании целостной картины природы в пейзаже, ибо это соответствует уже социально зрелому отношению человека к природе. В то же время, по мнению исследовательницы, эмоциональное восприятие природы, безусловно, существовало, и оно само по себе гораздо старше пейзажного чувства: «Человек русского Средневековья, не сознавая того, пребывал еще в состоянии гармонического единения с природой, подчиняясь власти ее благословенного восприятия. Оттого осознанное преклонение перед ее красотой тогда еще только грезилось, изредка проявляясь в красках или слове, пронзенном ее беспомощным очарованием» [41, 108].

Видное место занимает вышедший в свет в 1998 г. труд А. С. Демина «О художественности древнерусской литературы» [5]. В книге объединены историко-литературные исследования автора 1970–1990-х гг., в т. ч. три монографии, однако материал представлен выборочно и в новой композиционной разбивке очерков, которые посвящены представлениям средневекового книжника о природе. Автор показывает, что в древнерусской литературе XI–XIII вв. не наблюдается самостоятельных пейзажей, а существующие описания природы подчеркивали важность человеческих деяний. В литературе позднего Средневековья, в XVI–XVII вв., выделяются две темы изображения природы: фенологическая, в центре внимания которой – времена года, время суток, погода, причем преимущественно в местах обжитых, и ландшафтная тема, включавшая описания рая, только что сотворенной Богом земли, а также земель неведомых, далеких, населенных дикими народами [22, 122–125].

И. Н. Данилевский подчеркивал сосуществование в Средневековье двух обособленных друг от друга систем знаний о природе: «книжной», сосредоточенной на выяснении символической сути явлений, и «практической». Средневековью, как западноевропейскому, так и отечественному, было свойственно наделять

географическое пространство религиозно-этическими чертами и вообще воспринимать его через призму священного. В целом же «земная красота служила в средневековой эстетике *символом* красоты духовной. Следовательно, все сверхчувственное могло получить материальное выражение в символах и даже в наивно-натуралистических (неподобных) образах» [4, 258].

Не затрагивая вопроса о степени чувства прекрасного у древнерусского книжника, В. В. Долгов тем не менее делает важное наблюдение: «Название местности, предмета или существа считалось почти исчерпывающей его характеристикой, поскольку имя мыслилось не случайным внешним признаком, а проявлением внутренней сущности, своеобразной программой, заданной свыше» [8, 314]. Очевидно, что такая особенность восприятия окружающего мира вряд ли оставляла много возможностей для раскрытия эстетических переживаний книжников. В то же время В. В. Долгов, анализируя «Хождение» игумена Даниила, готов признать: «Манера его изложения визуальна, ориентирована на эффект “увиденного собственными глазами”, хотя изобразительных средств ему подчас не хватает, и тогда он ограничивается традиционными определениями: красна, зело красна, благословенна» [8, 303–304].

М. И. Мильчик касается вопроса о принципах выбора места для средневекового монастыря и приходит к мнению, что не последнее значение имела для основателя и живописность ландшафта – открывавшиеся виды обеспечивали важнейшую зрительную связь с окружающим пространством. В частности, данный принцип выражен в Житии Александра Свирского [23].

Историк искусства М. Н. Соколов, наоборот, смотрит на эстетические переживания человека Средневековья по отношению к природе с известным скепсисом. Так, он оспаривает представление о какой-либо значительной роли «целенаправленной живописности» в допетровском градостроительстве России, а монастырский пейзаж готов признать в лучшем случае «протоэстетическим». Исследователь подчеркивает, что именование определенного ландшафта «красным» не может быть показателем его эстетической оценки, «ибо так в средневековой Руси обозначалось в первую очередь какое-то представительное, заметное, парадное (ср. “красное крыльцо”, “красный угол”), наконец, просто-напросто удобное, а не собственно прекрасное место» [35, 414–419].

Наблюдения о чувстве прекрасного в средневековой Руси делались и зарубежными ис-

следователями. Так, японский литературовед Е. Никамура предположил, что, несмотря на появление более или менее подробных описаний природы в русской агиографии лишь с XVII в., в восприятии красот природы «не было никакой разницы между мирскими и церковниками» и в более ранний период. При этом автор выразил одну любопытную мысль, которую, правда, не подкрепил фактами и глубокой аргументацией: «...жизнь людей Древней Руси была не менее тесно связана с природой, чем жизнь японцев, однако, должно быть, существовала пропасть между христианским взглядом на природу, строго запрещающим языческие представления, и буддийским верованием, допускающим анимистическое толкование природы» [24, 92–102].

Представленные историографические наблюдения не претендуют на полноту. Их задача – показать основное направление научной мысли в изучении чувства природы человека русского Средневековья, в силу особенностей эпохи нашедшего отражение в первую очередь в наследии книжников. К настоящему времени данная исследовательская проблема отнюдь не исчерпана. Общим местом в историографии является представление об особом характере восприятия природы книжником, отличном от современного и обретающего черты, близкие к современному, только в позднее Средневековье. Однако отдельные черты этого восприятия дискуссионны, а многие аспекты изучены неполно или вовсе не рассматривались.

Библиография:

1. Аникейчик Е. А. Нравственно-эстетическое значение пейзажа в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв.: от сентиментализма к предромантизму. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2008. 30 с.
2. Волковинский С. А. Определение концепта «Природа» в современной философии природы // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2010. № 1. С. 26–36.
3. [Гудзий Н. К.] Переводная литература XI – начала XIII века: Глава X. Естественно-научные сочинения // История русской литературы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 1. С. 195–208.
4. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
5. Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М.: Языки русской культуры, 1998. 847 с.
6. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М.: Наука, 1977. 296 с.
7. Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 10–38.
8. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI–XIII вв. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 510 с.
9. Донин А. Н. Пейзаж в немецком искусстве XIV–XVI веков. Автореф. дисс. ... доктора искусствоведения. Нижний Новгород, 2007. 35 с.
10. Елеонская А. С. «Древесные образы» в произведениях древнерусской литературы // Древнерусская литература: изображение природы и человека. М.: Наследие, 1995. С. 4–18.
11. Забелин И. Кунцово и древний Сетунский стан. М.: Издание К. Солдатенкова, 1873. 260 с.
12. Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя: Избранная проза. М.: Московский рабочий, 1988. 527 с.
13. Карамзин Н. М. Путешествие вокруг Москвы. Письмо первое из Коломны от 14 сентября // Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя: Избранная проза. М.: Московский рабочий, 1988. 527 с.
14. Ким Н., священник. Рай и человек: Наследие преподобного Никиты Стифата. СПб.: Алетей, 2003. 304 с.
15. Кириллина С. А. «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М.: Ключ-С, 2010. 563 с.
16. Кирьянова С. А. Композиционная роль пейзажа в русской иконе второй половины XVII – первой трети XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. Вып. 2 (11). С. 107–114.
17. Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье: Книжная культура. 1998. М.: Мануфактура, 1998. Вып. 1. С. 26–58.
18. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982. 344 с.
19. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы XI–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
20. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
21. Малето Е. И. Хождения русских путешественников XII–XV вв. М.: ИРИ РАН, 2000. 206 с.
22. Миллионщикова Т. М. Рецензия: Демин А. С. О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мироведения: От «Повести временных лет» до Сочинений Аввакума // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. Реферативный журнал. 1999. № 4. С. 122–125.
23. Мильчик М. Какое место «угодно к монастырскому строению» // Искусство. 2009. № 17 // [Электронный ресурс] – URL: http://art.1september.ru/view_article.php?id=200901710 (дата обращения: 28.11.2014).
24. Никамура Е. Природа в житиях святых, русских и японских // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Пушкинский Дом, 2003. Т. 54. С. 99–102.
25. Никита Стифат. Трактат о рае // [Электронный ресурс] – URL: http://www.hesyasm.ru/library/nikita/disq_paradise.htm (дата обращения: 28.11.2014).
26. Никольская А. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе. (Несколько описаний весны) // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л.: Издательство АН СССР, 1928. С. 433–439.

27. Оленич Л. В. Роскошь в русском художественном сознании Средневековья и Нового времени // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 26. С. 112–117.
28. [Орлов А. С.] Литература времени образования многонационального Русского государства. Время Ивана Грозного (1530-е – 1580-е гг.): Введение // История русской литературы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1945. Т. 2. С. 415–431.
29. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 206 с.
30. Попов Г. В. Рукописная книга Москвы. Миниатюра и орнамент второй половины XV–XVI столетия. М.: Индрик, 2009. 277 с.
31. Прокофьев Н. И. К литературной эволюции весеннего пейзажа (Кирилл Туровский, И. М. Катырев-Ростовский и В. К. Тре-диаковский) // Новые черты в русской литературе и искусстве XVII – начала XVIII вв. М.: Наука, 1976. С. 231–242.
32. Прокофьев Н. И. Функция пейзажа в русской литературе XI–XV вв. // Литература Древней Руси. М.: МГПИ, 1981. Вып. 3. С. 5–18.
33. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
34. Симонов Р. А. Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси (по данным средневековой книжной культуры). М.: Наука, 2007. 431 с.
35. Соколов М. Н. Принцип рая. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 703 с.
36. Старкова Е. А. Анализ развития западноевропейской живописи пейзажа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Педагогика». 2011. № 4. С. 194–201.
37. Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века: Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009. 259 с.
38. Ужанков А. Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII вв. // Древнерусская литература: изображение природы и человека. М.: Наследие, 1995. С. 19–87.
39. Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI–XVII века / Под ред. В. В. Бычкова. М.: Ладомир, 1996. 560 с.
40. Худушина И. Ф. Глава II. § 3. Эстетическая выразительность природы в культуре средневековой Руси // Эстетика природы. М.: Институт философии РАН, 1994. С. 144–157.
41. Худушина И. Ф. Особенности эстетического восприятия природы в средневековой Руси // Переводные памятники философской мысли в Древней Руси. М.: Институт философии РАН, 1992. С. 94–108.
42. Черный В. Д. Русские средневековые сады: опыт классификации. М.: Языки славянской культуры, 2010. 174 с.
43. Шайкин А. А. «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 105–109.
44. Щемелева Л. М. Пейзаж // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 272.
45. Яхонтов Ив. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань: Типография Императорского университета, 1881. 378 с.

References (transliterated):

1. Anikeichik E. A. Nравstvenno-esteticheskoe znachenie peizazha v russkoi literature kontsa XVIII – nachala XIX vv.: ot sentimentalizma k predromantizmu. Avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk. M., 2008. 30 s.
2. Volkovskii S. A. Opredelenie kontsepta «Priroda» v sovremennoi filosofii prirody // Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke. 2010. № 1. S. 26–36.
3. [Gudzii N. K.] Perevodnaya literatura XI – nachala XIII veka: Glava Kh. Estestvenno-nauchnye sochineniya // Istoriya russkoi literatury. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. T. 1. S. 195–208.
4. Danilevskii I. N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov. M.: Aspekt Press, 1998. 399 s.
5. Demin A. S. O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 847 s.
6. Demin A. S. Russkaya literatura vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka. Novye khudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode, cheloveke. M.: Nauka, 1977. 296 s.
7. Dmitriev A. «Akademicheskii marksizm» 1920–1930-kh godov: zapadnyi kontekst i sovetskie obstoyatel'stva // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. № 88. S. 10–38.
8. Dolgov V. V. Byt i nravy Drevnei Rusi: Miry povsednevnosti XI–XIII vv. M.: Yauza, Eksmo, 2007. 510 s.
9. Donin A. N. Peizazh v nemetskom iskusstve XIV–XVI vekov. Avtoref. diss. ... doktora iskusstvovedeniya. Nizhnii Novgorod, 2007. 35 s.
10. Eleonskaya A. S. «Drevesnye obrazy» v proizvedeniyakh drevnerusskoi literatury // Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie prirody i cheloveka. M.: Nasledie, 1995. S. 4–18.
11. Zabelin I. Kuntsovo i drevnii Setunskii stan. M.: Izdanie K. Soldatenkova, 1873. 260 s.
12. Karamzin N. M. Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: Izbrannaya proza. M.: Moskovskii rabochii, 1988. 527 s.
13. Karamzin N. M. Puteshestvie vokrug Moskvyy. Pis'mo pervoe iz Kolomny ot 14 sentyabrya // Karamzin N. M. Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: Izbrannaya proza. M.: Moskovskii rabochii, 1988. 527 s.
14. Kim N., svyashchennik Rai i chelovek: Nasledie prepodobnogo Nikity Stifata. SPb.: Aleteiya, 2003. 304 s.
15. Kirillina S. A. «Ocharovannye stranniki»: arabo-osmanskii mir glazami rossiiskikh palomnikov XVI–XVIII stoletii. M.: Klyuch-S, 2010. 563 s.
16. Kir'yanova S. A. Kompozitsionnaya rol' peizazha v russkoi ikone vtoroi poloviny XVII – pervoi trети XVIII v. // Vestnik PSTGU. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva. 2013. Vyp. 2 (11). S. 107–114.
17. Laushkin A. V. Stikhiinye bedstviya i prirodnye znameniya v predstavleniyakh drevnerusskikh letopistsev XI–XIII vv. // Russkoe Srednevekov'e: Knizhnaya kul'tura. 1998. M.: Manufaktura, 1998. Vyp. 1. S. 26–58.
18. Likhachev D. S. Poeziya sadov: K semantike sadovo-parkovykh stilei. L.: Nauka, 1982. 344 s.
19. Likhachev D. S. Razvitie russkoi literatury XI–XVII vekov. Epokhi i stili. L.: Nauka, 1973. 254 s.

20. Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi*. M.: Nauka, 1970. 180 s.
21. Maletov E. I. *Khozheniya russkikh puteshestvennikov XII–XV vv.* M.: IRI RAN, 2000. 206 s.
22. Millionshchikova T. M. Retsenziya: Demin A. S. O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury: Ocherki drevnerusskogo mirovedeniya: Ot «Povesti vremennykh let» do Sochinenii Avvakuma // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7. Literaturovedenie. Referativnyi zhurnal*. 1999. № 4. S. 122–125.
23. Mil'chik M. Kakoe mesto «ugodno k monastyrskomu stroeniyu» // *Iskusstvo*. 2009. № 17 // [Elektronnyi resurs] – URL: http://art.1september.ru/view_article.php?id=200901710 (data obrashcheniya: 28.11.2014).
24. Nikamura E. *Priroda v zhitiyakh svyatykh, russkikh i yaponskikh* // *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. SPb.: Pushkinskii Dom, 2003. T. 54. S. 99–102.
25. Nikita Stifat. *Traktat o rae* // [Elektronnyi resurs] – URL: http://www.hesychasm.ru/library/nikita/disq_paradise.htm (data obrashcheniya: 28.11.2014).
26. Nikol'skaya A. K voprosu o peizazhe v drevnerusskoi literature. (Neskol'ko opisaniy vesny) // *Sbornik statei v chest' akademika Alekseya Ivanovicha Sobolevskogo*. L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1928. S. 433–439.
27. Olenich L. V. Roskosh' v russkom khudozhestvennom soznanii Srednevekov'ya i Novogo vremeni // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2014. № 26. S. 112–117.
28. [Orlov A. S.] *Literatura vremeni obrazovaniya mnogonatsional'nogo Russkogo gosudarstva. Vremya Ivana Groznogo (1530-e – 1580-e gg.): Vvedenie* // *Istoriya russkoi literatury*. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1945. T. 2. S. 415–431.
29. Panchenko A. M. *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform*. L.: Nauka, 1984. 206 s.
30. Popov G. V. *Rukopisnaya kniga Moskvy. Miniatura i ornament vtoroi poloviny XV–XVI stoletiya*. M.: Indrik, 2009. 277 s.
31. Prokof'ev N. I. K literaturnoi evolyutsii vesennego peizazha (Kirill Turovskii, I. M. Katyrev-Rostovskii i V. K. Trediakovskii) // *Novye cherty v russkoi literature i iskusstve XVII – nachala XVIII vv.* M.: Nauka, 1976. S. 231–242.
32. Prokof'ev N. I. *Funktsiya peizazha v russkoi literature XI–XV vv.* // *Literatura Drevnei Rusi*. M.: MGPI, 1981. Vyp. 3. S. 5–18.
33. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevnei Rusi*. M.: Nauka, 1987. 783 s.
34. Simonov R. A. *Matematicheskaya i kalendarno-astronomicheskaya mysl' Drevnei Rusi (po dannym srednevekovoi knizhnoi kul'tury)*. M.: Nauka, 2007. 431 s.
35. Sokolov M. N. *Printsip raya*. M.: Progress-Traditsiya, 2011. 703 s.
36. Starkova E. A. *Analiz razvitiya zapadnoevropeiskoi zhivopisi peizazha* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Pedagogika»*. 2011. № 4. S. 194–201.
37. Uzhankov A. N. *O spetsifike razvitiya russkoi literatury XI – pervoi treti XVIII veka: Stadii i formatsii*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2009. 259 s.
38. Uzhankov A. N. *Evolutsiya peizazha v russkoi literature XI – pervoi treti XVIII vv.* // *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie prirody i cheloveka*. M.: Nasledie, 1995. S. 19–87.
39. *Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura Drevnei Rusi. XI–XVII veka* / Pod red. V. V. Bychkova. M.: Lodomir, 1996. 560 s.
40. Khudushina I. F. Glava II. § 3. *Esteticheskaya vyrazitel'nost' prirody v kul'ture srednevekovoi Rusi* // *Estetika prirody*. M.: Institut filosofii RAN, 1994. S. 144–157.
41. Khudushina I. F. *Osobennosti esteticheskogo vospriyatiya prirody v srednevekovoi Rusi* // *Perevodnye pamyatniki filosofskoi mysli v Drevnei Rusi*. M.: Institut filosofii RAN, 1992. S. 94–108.
42. Chernyi V. D. *Russkie srednevekovye sady: opyt klassifikatsii*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 174 s.
43. Shaikin A. A. «Sitsa znamen'ya ne na dobro» // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002. № 3 (9). S. 105–109.
44. Shchemeleva L. M. *Peizazh* // *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'*. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. S. 272.
45. Yakhontov Iv. *Zhitiya svyatykh severnorusskikh podvizhnikov Pomorskogo kraja kak istoricheskii istochnik*. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1881. 378 s.